

Цифровая экономика и проблемы механизма правосудия**М. И. Клеандров**

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института государства и права РАН.
Адрес: Институт государства и права РАН, 119019,
Москва, ул. Знаменка, д. 10.
E-mail: mklean@ksrf.ru

Digital Economy and Problems of the Mechanism of Justice**M. I. Kleandrov**

Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the RAS,
Chief Researcher of the Institute of State and Law of the RAS.
Address: The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
E-mail: mklean@ksrf.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемные вопросы внедрения достижений научно-технического прогресса в организационно-правовой механизм правосудия, в том числе в юрисдикцию экономического правосудия. Показана ситуация с законодательно-нормативным регулированием этого процесса: реальное внедрение цифровых технологий в арбитражное судопроизводство, положительные стороны и наметившийся эффект в этом деле. Одновременно обозначены недостатки от такого внедрения, например, удаленный от суда допрос подсудимого в режиме видео-конференц-связи не соответствует принципу непосредственности в уголовном процессе. В статье представлены и недостатки состояния нормативно-правового регулирования отношений в сфере экономики, препятствующие цифровизации экономического правосудия. Обосновано предположение о необходимости узкой специализации механизма правосудия, соответствующей появлению новых видов и категорий правонарушений с использованием цифровых технологий в экономике.

Методология исследования базируется на диалектическом методе познания общественных явлений. К основным методам относятся метод системного анализа, функциональный метод, метод синтеза, метод аналогий. К специальным – формально-юридический, теоретического моделирования, системный, сравнительно-правовой.

Научная новизна исследования обусловлена стереоскопическим подходом автора к положительным и отрицательным аспектам цифровизации механизма правосудия, прежде всего его арбитражно-процессуальной составляющей. Колоссальный объем содержательной информации некоторых судебных дел последнего времени, превосходящий возможности мозга судьи-человека его осмыслить, обуславливает необходимость широкого внедрения электронных технологий в судопроизводство, но на этом пути есть препятствия, и не только технического свойства, но и правового, а также морального характера.

Ключевые слова: суд, правосудие, арбитражное судопроизводство, цифровизация механизма правосудия, новые судебные технологии, проблематика судьи-робота.

Abstract

The article deals with the problematic issues of introducing the achievements of scientific and technical progress in the organizational and legal mechanism of justice, including in the jurisdiction of economic justice. The situation with legislative and regulatory regulation of this process is shown: the real introduction of digital technologies into arbitration proceedings, the positive aspects and the emerging effect in this matter. At the same time, there are shortcomings from such implementation, for example, the questioning of a defendant in a videoconferencing mode remote from a court does not correspond to the principle of immediacy in a criminal trial. The article also presents the shortcomings of the state of normative and legal regulation of relations in the sphere of the economy, which hinder the digitization of economic justice. The assumptions about the need for a "narrow" specialization of the justice mechanism, corresponding to the appearance of new types and categories of offenses using digital technologies in the economy, are justified.

The methodology of this survey is based on the dialectical method of cognition of social phenomena. The main methods include a method of system analysis, a functional method, synthesis and analogy. The special methods include a formal legal method, a method of theoretical modeling, a system method, a comparative legal method.

The scientific novelty of the study is due to the stereoscopic approach of the author to the positive and negative aspects of the digitalization of the mechanism of justice, primarily its arbitration-procedural component. The colossal volume of information of some recent cases, which exceeds the judge's brain ability to comprehend it, necessitates the wide introduction of electronic technologies in the legal proceedings. But there are not only technical, but also legal and moral obstacles on this way.

Keywords: court, justice, arbitration proceedings, digitalization of the justice mechanism, new judicial technologies, problems of the robot judge.

Нормально развивающаяся рыночная экономика не может существовать без соответствующего организационно-правового механизма защиты прав и законных интересов участников экономических отношений. Ядром же этого механизма является механизм правосудия.

Тот сегмент организационно-правового механизма правосудия, который действует в сфере экономики и который, будучи специализированным на защите прав и законных интересов субъектов экономических (прежде всего предпринимательских) отношений, является экономическим правосудием, так же, как и сама экономика, весьма основательно подвержен воздействию достижений научно-технического прогресса, в том числе цифровизацией.

Здесь действуют общие – федерального уровня – регулирующие акты, например: Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р¹ (основательно дополненная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313)²; Программа «Цифровая экономика» (Правительство Российской Федерации в настоящее время работает над первыми двадцатью³ из пятидесяти трех⁴ нормативных актов, которые предстоит принять в ближайшие три года, направленных на реализацию

этой Программы) и др. Соответственно, ведутся и научно-правовые исследования в данной сфере [1] (с предложениями принятия Концепции развития законодательства об Интернете, а также о выделении законодательства, предметом правового регулирования которого являются интернет-отношения, в самостоятельную отраслевую группу (интернет-законодательство).

Практически внедрена и довольно успешно действует система «ГАС – правосудие» (государственная автоматизированная система...).

«Комплексная информационная система судов общей юрисдикции», недавно принятая, нацелена на обеспечение – прежде всего московских судов – информационного взаимодействия с Департаментом жилищно-коммунального хозяйства г. Москвы и управляющими компаниями города в части автоматизации процессов взыскания задолженностей по оплате жилищно-коммунальных услуг. То же относительно назначения судебных экспертиз, внедрения сервисно-гибридной почты (что существенно сокращает сроки получения участниками дел уведомлений и других документов от судов), расширения информационного взаимодействия с несколькими следственными управлениями и отдельным административным округом столицы в части электронного обмена документами и следственными томами дел с судами; в том числе запланировано межуровневое взаимодействие в части передачи электронных дел между районными судами и более чем 400 участками мировых судей, электронное взаимодействие и обмен материалами дел с Управлением ФСИН, ФНС, Федеральным казначейством, Федеральной службой судеб-

¹ См.: Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 46. – Ст. 6026.

² См.: Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159.

³ См.: Российская газета. – 2017. – 20 декабря.

⁴ См.: Российская газета. – 2017. – 19 декабря.

ных приставов по г. Москве и др. Уже запущены системы аудио- и видеозаписи судебных заседаний, видео-конференц-связи с СИЗО столицы. Предполагается введение автоматического учета проведенных судебных экспертиз и контроля сроков по ним с привязкой к конкретному электронному делу; создание личного кабинета работника суда; возможность дистанционного обучения новых сотрудников; повышение эффективности подготовки отчетности судов посредством усовершенствования полнотекстового поиска по отчетам.

В результате уже есть или ожидается эффект в виде повышения прозрачности судебной системы и доверия к ней со стороны граждан; существенная экономия времени, сил и нервов всех участников судебных процессов; существенное сокращение сроков рассмотрения дел; сокращение бюрократических трудностей и проявлений хамского отношения отдельных работников судов к гражданам и т. д.

Есть здесь и соответствующее нормативно-правовое регулирование на федеральном уровне, например, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»¹. Имеются и соответствующие научные исследования [2; 4; 6]. Правда, подобные исследования – инициативы самих авторов, а здесь должен проявиться общегосударственный интерес. Поэтому заказчиком этих НИР должен быть, безусловно, государственно-властный орган, не понаслышке знающий, что такое реальное правосудие, могущий четко сформулировать соответствующее задание и обеспечить по его выполнению государственную приемку результатов НИР. Такого органа у нас пока нет, но это – отдельная проблема.

Реальная жизнь, в том числе там, где совершаются правонарушения, требует адекватной реакции. Ускорение научно-технического прогресса – не исключение.

Очевидно, что каждый новый вид (категория) преступлений, где преступниками используются отдельные достижения научно-технического прогресса, в первую очередь в

сфере цифровых технологий, требует их специализированного расследования и не менее специализированного судопроизводства. К числу новых видов (категорий) преступлений, появившихся совсем недавно, следует отнести преступления в сфере геномной инженерии; связанные с противоправной трансплантацией органов человека; с клонированием отдельных органов человека, а вскоре, не исключено, и самого человека; в сфере биомедицинской этики и т. д.

«Обусловленные цифровизацией» преступления – это хищения в криптоиндустрии; создание интернет-пирамид; кибертерроризм; взлом сайтов госорганов; организация групп детских суицидов; взлом баз личных данных с целью шантажа публикацией компромата; электронный игровой бизнес; демонстрация через интернет сцен жестокого обращения с животными т. д.

Для полноценного судебного следствия и вынесения максимально адекватного, полностью соответствующего материалам и обстоятельствам дела, справедливого судебного акта необходимо соответствующее уголовно-процессуальное законодательное реагирование и устойчивая, обобщенная и проанализированная судебная практика и, как минимум, ориентирующие разъяснения Пленума Верховного суда Российской Федерации.

Недавно был опубликован законопроект о регулировании цифровых финансовых активов, подготовленный Министерством финансов Российской Федерации и Центробанком. Его обсуждение, по сути, только началось. Но очевидно, что мошеннических схем злоупотреблений с криптовалютой преступниками будет разработано и реализовано не мало, чему будет способствовать недостаточная разработанность соответствующего понятийного аппарата в этом законопроекте: например, не предложено законопроектом комплексного понятия «виртуальная валюта»; отсутствует классификация видов криптовалют; не должным образом решается проблема отслеживания добытчиков криптовалюты и т. д., а ведь майнинг истолковывается как предпринимательская деятельность, и при этом недостает сведений о регистрации хозяйственных субъектов, осуществляющих майнинг, определение порядка их налогообложения..., да и, судя по модели, заложенной

¹ См.: Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

в законопроект, оборотоспособность цифровых финансовых активов ограничена.

Все это свидетельство того, что механизм правосудия, как уголовного (по делам о преступлениях в сегменте цифровых финансовых активов), так и экономического (при разрешении арбитражных споров о защите прав и законных интересов субъектов этой сферы предпринимательской деятельности), будет заведомо далеко не совершенным. А ведь он должен не только решать проблемы сегодняшнего дня, он обязательно должен предвидеть и будущие проблемы, что обязывает на уровне законопроекта их предвидеть и составлять модели их решения.

Кроме того, и это исключительно важно, современный российский судья осуществляет правосудие в условиях **обязанности** применения соответствующих нормативных предписаний на крайне несовершенном и противоречивом правовом поле, что особенно наглядно проявляется в сфере экономики.

Так, в докладе «Контрольно-надзорная деятельность в Российской Федерации», подготовленном Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с Высшей школой экономики и Российским союзом промышленников и предпринимателей, указано, что в стране действует 102 разрешительных режима, которые можно отнести к лицензированию, хотя формально лицензии должны получать лишь 66. Перечни других типов и вовсе не закреплены. Всего выявлен 541 вид разрешительной деятельности, что в два раза больше, чем видов госконтроля; 28 режимов действуют фактически незаконно, для 54 отсутствует надлежащее регулирование, а порядок 240 установлен только ведомственными документами¹.

В 2017 г. с плановыми проверками контрольно-надзорных органов столкнулись 87% предпринимателей, с внеплановыми – 47%. При этом плановых проверок стало меньше на 45% – 450 тыс. вместо более чем 1 млн².

В российских регионах и муниципалитетах принято и действует, как показала проверка Генеральной прокуратуры, проведенная в первой половине 2017 г., 94,2 тысячи законов и постановлений, противоречащих федераль-

ным нормам³. Правительство и госорганы принимают, как считают в Правительстве Российской Федерации, более 6 тыс. нормативных правовых актов в год, заметная часть из которых корректирует существующие правила и вводит новые требования к предпринимателям. А избыточных требований к предпринимателям, по мнению «Опоры России», насчитывается около 2 млн⁴. Обращения же в суды, в том числе Конституционный суд Российской Федерации, с ходатайствами об отмене подобных актов крайне мало результатов – современная судебная система в целом, а современное судопроизводство (особенно – арбитражное) в частности к подобной массовости обращений не приспособлены в принципе, да и не должны приспособливаться. Таких актов попросту не должно существовать в принципе.

Если к этому добавить, что проведенной Институтом проблем государственного языка Санкт-Петербургского госуниверситета экспертизой 36 тыс. нормативных правовых актов, изданных органами власти и управления Северо-Западного федерального округа в 2014 г., на предмет соблюдения в них норм государственного русского языка выявлены многочисленные случаи неопределенности, двусмысленности формулировок и что в результате смысл этих актов «как-то» понимают лишь от 3,5 до 20% граждан⁵, то картина с качеством правового поля для нужд экономического правосудия складывается удручающая.

Впрочем, в этой сфере ведомственного и отраслевого нормотворчества вообще немало удивительного. По данным Счетной палаты Российской Федерации (по результатам проверок обоснованности и эффективности закупок работ (услуг) за 2015–2016 гг. и первое полугодие 2017 г.) были выявлены многочисленные случаи передачи на аутсорсинг работ и услуг, выполнение и оказание которых отнесено к полномочиям органов государственной власти (на федеральном уровне – 1 037, на региональном и муниципальном уровнях – 505, всего на сумму 8,6 млрд рублей). В частности, Счетной палатой Российской Федерации констатировалось: «Участие иностранных

¹ См.: Коммерсант. – 2017. – 17 июля.

² См.: Коммерсант. – 2018. – 7 февраля.

³ См.: Известия. – 2017. – 11 октября.

⁴ См.: Коммерсант. – 2017. – 23 марта.

⁵ См.: Известия. – 2016. – 27 июня.

организаций в нормативно-правовом регулировании и разработке стратегических документов в ТЭК не может рассматриваться как соответствующее национальным интересам Российской Федерации»¹. В заключение Счетной палатой Российской Федерации отмечено: «Неурегулированность данной проблемы создает риски двойного расходования бюджетных средств, влияния частных государственных организаций на государственную политику, информационной преференции отдельным организациям, коррупционные риски и возможность утечки информации»². Однако суды и судьи сегодня всем этим массивом норм при отправлении экономического правосудия обязаны руководствоваться. Поэтому резко, во весь рост, встает проблема целеполагания этого сегмента нормативно-правового регулирования.

В целом к положительным сторонам цифровизации в правосудии, в том числе в сегменте экономического правосудия, можно отнести внедрение новых технологий, связанных с переходом на электронный документооборот, повышением информационной открытости суда, расширением информационного доступа к большинству процессов в режиме реального времени, к возможностям через Сеть отслеживать динамику судебного разбирательства, анализировать действия судей и других участников процессов, что повышает объективность принятия судебных актов.

Вместе с тем такая довольно новая цифровая судебная технология, как видеоконференц-связь, позволяет решить множество проблем, возникающих вследствие удаленности друг от друга абонентов этой связи, прежде всего суда от тех или иных участников судебного процесса.

Но в уголовном процессе такой способ связи вступает в определенное противоречие со статьей 240 УПК РФ. Эта статья провозглашает (в ч. 1): «В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X УПК РФ (где речь идет об особом порядке судебного разбирательства).

Принцип непосредственности в судебном процессе – важный принцип оценки доказательств. Он по факту действует тысячелетия и, по сути, означает прежде всего в координатах судья – подсудимый как «глаза в глаза», что недостижимо в формате видеоконференц-связи. Ведь при непосредственном общении – в ходе допроса подсудимого на стадии судебного следствия и вообще на всем протяжении судебного процесса – судья получает информацию доказательственного характера от подсудимого не только в чисто информационно-содержательном формате. Судья так или иначе видит, воспринимает, обобщает, анализирует, сопоставляет информацию о личности подсудимого в ментальной сфере с учетом его мимики, жестикологии, артикуляции, моторики движений, вазомоторных реакций и т. д.; судья чувствует всеми своими органами чувств нюансы поведения (а не только речь) подсудимого. Огромному числу лиц, участвующих в судопроизводственном процессе по этому делу, да и с точки зрения минимизации расходов по этому процессу было бы выгодно проведение допроса подсудимого с использованием видеоконференц-связи (а еще проще посредством телефонного разговора или даже с использованием смс-сообщений), но цели правосудия – установлению фактических обстоятельств по делу – оно способствовало бы в значительно меньшей мере, чем при непосредственном, вживую, участии подсудимого в процессе.

Возникают и другие проблемы в практике применения видеоконференц-связи в судебных процессах. Так, статья 50 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» ставит освобождение обвиняемых из-под стражи в зависимость от времени получения соответствующего судебного решения. А доставление оригинала судебного акта посредством спецсвязи или почтой в таких случаях занимает от нескольких дней до 14 суток.

21 июня 2017 г. судебной коллегией по уголовным делам ХМАО – Югры (г. Ханты-Мансийск) было вынесено апелляционное определение об отмене приговора подсудимым И., С. и А., вынесенного Урайским городским судом, в совершении преступлений,

¹ См.: Независимая газета. – 2018. – 30 января.

² Там же.

предусмотренных статьей 228.1 УК РФ. При этом в отношении И. была отменена мера пресечения в виде заключения под стражу и применена ранее избранная мера пресечения – залог. Это апелляционное определение вступило в законную силу незамедлительно – 21 июня 2017 г. Однако И. был освобожден из-под стражи лишь 26 июня 2017 г., после получения в СИЗО № 1 УФСИН России по Тюменской области (г. Тюмень) судебного решения апелляционного определения из суда (г. Ханты-Мансийск), направленного посредством спецсвязи¹.

Конечно, статью 50 упомянутого Федерального закона № 103 можно и нужно подправить, и это рано или поздно произойдет. Нет сомнений и в том, что распространение цифровизации в механизме правосудия, а еще значимее в экономике, будет выявлять все новые несовершенства в правоприменительной практике, обусловленные отставанием соответствующего правового регулирования в широкой гамме общественных отношений. Здесь явно необходима новая методология внедрения достижений научно-технического прогресса в нашу реальную жизнь.

Дальнейшее внедрение цифровых технологий в механизм правосудия может принести немало положительного, например, в определенной мере решить, правда, лишь отчасти, существующую сегодня запредельную, превышающую все возможные нормативы судебную нагрузку на основную массу российских судей [3; 5], что, безусловно, справедливости судебным актам не способствует. В какой-то мере будет иметь место экономия финансовых, материально-ресурсных и прочих средств, как и экономия времени в отдельных стадиях и процедурах судопроизводственного процесса.

Но и наоборот, цифровизация в сфере правосудия может иметь и реально уже имеет и обратную сторону. На состоявшемся в конце января 2018 г. форуме, посвященном 90-летию Верховного суда Российской Федерации, было рассказано о недавнем случае в Московском городском арбитражном суде, где мошенники, воспользовавшись доступом к информационным базам аппарата суда, пытались обратить взыскание на денежные

средства страховых компаний и банка, но, благодаря бдительности сотрудников суда и оперативной работе полицейских, деятельность злоумышленников была вовремя пресечена.

Этот пример свидетельствует как минимум о следующем: внедрение цифровых технологий в экономику должно сопровождаться внедрением гарантийных способов предотвращения всяких возможностей совершения правонарушений в этой сфере. Проявления героизма, даже элементарной бдительности сотрудниками суда и полицейскими – не решение подобной задачи, не панацея в таких делах.

В юрисдикции экономического правосудия намечаются серьезные проблемы, прежде всего в сфере дел о банкротстве. Как сказано в Исследовании Национального центра банкротств для «Известий», объем долга заемщиков, получивших возможность объявить себя несостоятельными, на начало 2018 г. достиг 32 млрд рублей, увеличившись вдвое с января 2017 г., а к 2020 г. «армия» потенциальных банкротов способна вырасти в 5 раз (сейчас число россиян, подавших заявление на списание долгов, за два года превысило 87 тыс. человек)².

Но не увеличение количества дел о банкротстве, которые будут предметом рассмотрения в арбитражных судах, и не рост совокупного массива денежной массы по этим делам представляют уже сейчас опасную сложность для механизма экономического правосудия, а резкое увеличение – внезапное и недавно начавшееся – объема судебного материала, который необходимо здесь проработать судьям. Суть в том, что уже сейчас в арбитражных судах немалое число дел о банкротстве крупных предпринимательских образований состоит из сотен томов. По крупным «банкротящимся» компаниям – до 300–350 томов, в каждом из которых, в соответствии с инструкцией по делопроизводству, насчитывается 150 страниц. Но сложности в структуре по банкротству АО «Славянка», например, потребовали от суда рассмотреть каждую из двух тысяч сделок на предмет их соответствия закону, а также их исполнение на предмет соответствия условиям сделок; по

¹ См.: Новая адвокатская газета. – 2018. – 15 января.

² См.: Известия. – 2018. – 30 января.

делу о банкротстве одной из крупных страховых компаний было заявлено 4 300 требований кредиторов об их включении в реестр кредиторов, а ведь каждое из требований суд должен взвесить на предмет его обоснованности, доказанности соответствия закону... И на ознакомление (даже не на анализ содержащихся в таком деле документов) у арбитражного судьи нет не только дней, но подчас даже часов. Конечно, по «банкротным» делам судья в большинстве случаев выносит не финальные, а промежуточные судебные акты, для чего не нужен анализ материалов всего дела, но и для вынесения финального акта у него времени для анализа всех материалов дела попросту нет. Однако ведь арбитражное дело участниками в значительной доле комплектуется вовсе не для того, чтобы документы там, в делах, просто были. Целевая принадлежность этих документов – быть средством аналитической работы мозга судьи-человека. Кстати, перевод с бумажных носителей в «цифру» материалов многотомных арбитражных дел ситуацию никоим образом не изменяет: в вопросе целевой принадлежности информации для мозга судьи мало значима разница, где эта информация содержится – на бумажных или электронных носителях.

С механизмом уголовного правосудия ситуация не лучше, а кое в чем еще хуже. Рассказывая, что однажды ему – известному адвокату А. Кучерене – пришлось столкнуться с обвинительным заключением, объем которого составлял 19 965 страниц текста, он сделал резонный вывод: «...Понятно, что ни один судья не способен в обозримые сроки этот текст прочесть и тем более тщательно проанализировать его, с тем чтобы вынести законное и обоснованное решение»¹. Стоит добавить, что тем более ни один судья-человек не в состоянии просто прочитать в приемлемый срок все материалы этого многотомного уголовного дела, в котором двадцатитысячестраничное обвинительное заключение явно составляет лишь незначительную долю.

Стоит сказать, что со всеми материалами (со всеми томами) подобных уголовных дел должны быть также ознакомлены через своих

адвокатов все обвиняемые... И факт, что такие объемные уголовные дела не о карманной краже, они в основном о преступлениях экономической направленности. Там много подсудимых, множество эпизодов преступлений и, по сути дела, все в совокупности многотомное уголовное дело – это доказательства совершения преступлений, т. е. там сказано, что было. И дело судьи – дать доказанному юридическую оценку, всю эту информацию переварив и взвесив все доказательства.

Такое положение дел не только у нас. Недавнее решение Лондонского суда по судебному процессу Абрамович-Березовский, например, занимающее «всего» 750 страниц компьютерного текста (решение, а не дело), для осмысливания и анализа требует столько времени и усилий, что трудно вообразить, а ведь его надо бы было сопоставить при необходимости обжалования с материалами всего дела. Похоже, что в таких ситуациях судью выручает его интуиция, целиком, скорее всего, зависящая от его опыта и профессионализма. Но можно ли такой приговор, выносимый судьей, который ознакомился лишь с частью материалов уголовного дела, считать справедливым?

Очевидно, что без дальнейшего внедрения цифровых технологий в механизм правосудия, прежде всего в судебный процесс, даже не в интенсификационном режиме, не обойтись. Но насколько далеко это внедрение может зайти? Не встанет ли уже в обозримом будущем, вопрос о целесообразности замены судьи-человека судьей-роботом? В художественной литературе и в художественных фильмах (в жанре научной фантастики) есть немало произведений на сей счет. Мир, в котором правосудие осуществляют судьи-роботы, созданный этими произведениями, не внушает ни радости, ни доверия. И если наметившаяся тенденция цифровизации механизма правосудия все-таки приведет в отдаленном будущем к реальному созданию подобного мира, захочется ли нам в нем жить?

¹ См.: Известия. – 2017. – 26 сентября.

Список литературы

1. *Астапенко П. Н.* Государство и Интернет: проблемы правового регулирования интернет-отношений // Закон и право. – 2017. – № 10. – С. 15–22.
2. *Лаптев В. А., Соловьяненко Н. И.* Электронное правосудие и электронный документооборот как условие модернизации регулярной среды для бизнеса // Российский судья. – 2017. – № 2. – С. 16–21.
3. *Мамыкин А. С.* Правовые средства оптимизации судебной нагрузки судей // Российское правосудие. – 2016. – № 2 (118). – С. 77–85.
4. *Селина Е. В.* Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // Администратор суда. – 2016. – № 3. – С. 12–15.
5. *Терехина В. А.* Решение проблем судебной нагрузки как одна из задач судебной реформы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 56–61.
6. *Шарипов А. К.* Электронное правосудие в Республике Казахстан как фактор укрепления доверия населения к судебной власти // Судья. – 2017. – № 10. – С. 23–27.